

Особый пассажир

Яреци Фернандез

Девушка посмотрела на табло прилетов и прислонилась плечом к столбу. До посадки самолета, на борту которого находился особый пассажир, оставалось полчаса. Яреци набрала номер дяди, но уже час ей ответом была привычная тишина. Девушка про себя выругалась и вздохнула.

Два месяца назад она вернулась из монастыря, почувствовав, что с кем-то из ее родных что-то случилось. В аэропорту Пекина она почувствовала мимолетное ощущение страха, но потом она вернулась домой. В место, где ее ждали и любили. Пообщавшись с дочкой, она рассказала Тору о своих странных ощущениях, и муж смог ее успокоить. Вообще, последнее время у них было все интересно. И никто ничего не утаивал. Она решила не утаивать от него ничего, и, наверное, это было правильно.

Но странное ощущение ее не отпускало несколько дней, и она решила как-то позаниматься прорицаниями и выяснить причину своих страхов. В результате она поняла, что когда она думает о Маркусе, то сердце ноет сильнее, и появляются какие-то жутковатые картины. Только она хотела рассказать об этом Тору, как ему позвонили, и гонцом плохих вестей был Джун. Она оказалась права - с Маркусом что-то случилось. Но реальность оказалась очень страшной. Маркус умер от бешенства, но Джун его нашел, а Тео Чун вылечил. Вместе с ее работодателем, Юншеном Лю, как она позже узнала.

Яреци верила, что Маркус поправится, и рассказывала Джуну о каких-то важных моментах. Также она связалась с дядей и обрисовала ему ситуацию, когда Маркус начал более-менее говорить и ходить.

Как-то раз Джун рассказал, что Маркус хочет к отцу, и девушка вместе с Тору, Джуном и Рикардо обговорила все условия. Через несколько дней Рикардо ей позвонил и назначил день. Она передала это Джуну и в назначенное время приехала в аэропорт.

... Пришло смс-сообщение. Дядя не мог приехать и просил позаботиться о Маркусе до завтрашнего дня. Яреци тяжело вздохнула и написала Тору сообщение, где обрисовала ситуацию и спросила, что делать. А потом снова посмотрела на табло. До прибытия самолета оставалось двадцать минут..

Джун Мотидзуки

Несколькими часами ранее.

Обещая Маркусу решить вопрос с его возвращением к отцу, Джун даже не предполагал, что этот день настанет в обозримом будущем. В отдельные моменты казалось, что на восстановление, достаточное для того, чтобы перенести дорогу до аэропорта и перелет, уйдут еще долгие месяцы. Но на практике все вышло не так. Маркус старался, учился, допускал ошибки, но не сдавался и продолжал снова и

снова осваивать некогда привычные для него действия. Что в конечном итоге все-таки дало свои плоды, позволяя Джуну созвониться сначала с Яреци, чтобы обсудить моменты, касающиеся транспортировки, а потом решить все вопросы с Рикардо Агирре, собиравшемуся всячески способствовать скорейшему перемещению сына в Японию.

И вот наступил тот долгожданный день, на который было запланировано первое для нового Маркуса масштабное путешествие. Дорога до деревни далась им нелегко, но, учитывая, что у Джуну уже был опыт транспортировки больного, все прошло относительно благополучно. Как и переезд на автобусе до Лхасы. Естественно, впечатлений у Маркуса от всех этих перемещений и скопления людей должна была быть масса, но сейчас Джуну больше всего волновал вопрос его здоровья. Пусть он взял весь багаж на себя и до этого готовил друга, устраивая затяжные прогулки в горах, но, реальные переходы, к которым добавился переезд, не мог пройти без последствий. Так что немного успокоился Джун только когда они, пройдя все регистрационные моменты, оказались в самолете, который должен был доставить их в Пекин. Пусть первый перелет также мог быть чреват неожиданными и неприятными последствиями.

Маркус Агирре

После того, как он попросил Джуну связаться с отцом, прошло какое-то время. Врачеватели наблюдали за ним, и теперь он мог делать все сам, за исключением физической работы и пользования палочками. Он перекочевал в свою комнату, и теперь за ним перестали ухаживать и заботиться. С одной стороны это было правильно, но с другой... Иногда его по-прежнему мучали кошмары, от которых он просыпался в холодном поту. Но он никому не жаловался и старался читать вслух, чтобы не терять навыки речи.

А потом Джун стал заставлять его гулять по горам, говоря, что скоро ему придется уехать, чтобы встретиться с отцом. С Джуном молодой человек проводил больше времени, чем с остальными, и постоянно учился чему-то новому. Ему было тяжело, он быстро уставал, но он не жаловался. Потому что это было глупо, и никто не должен был носиться с ним. Он очень старался.

И вот настал тот день, когда надо было уезжать из этого места. Вернется он туда когда-нибудь? Он не стал думать об этом. Поэтому он шел за Джуном, стараясь не останавливаться, чтобы отдохнуть, и не жаловаться. Они остановились только один раз, в деревне у колодца. Маркус напился воды и посмотрел на виднеющийся вдали сгоревший дом. Вздрыгнул. В этом доме его нашли, и этот дом фигурировал в большинстве его кошмаров, о которых он не рассказывал. Сейчас появилось какое-то странное ощущение, и он сглотнул. Почему-то началась паника. Умывшись, он направился дальше, сопровождаемый Джуном, и они успели на автобус.

В автобусе было какое-то странное ощущение. Его сильно укачало, до тошноты, у него сильно разболелась голова, и эти полчаса показались ему вечностью. Были какие-то слуховые галлюцинации, а назойливый луч восходящего солнца светил в глаза.

В аэропорту было много людей. Джун повел его сначала к стойке с буквой "i", а

потом на регистрацию. И вот они сели в самолет. В салоне бизнес-класса было два ряда удобных комфортных кресел, и молодой человек сел у иллюминатора. Он сильно вымотался и заснул.

Ему снилось что-то непонятное. Самолет, солнечный лучик, тряска, какие-то голоса. Потом была ровная гладь озера, причудливые деревья, палочка, на которую он наступил. После этого снова был самолет. И жар. Сильный жар, будто он находится рядом с огнем.

Он вздрогнул и открыл глаза. Самолет трясло, пищало табло "пристегнуть ремни", и он посмотрел в иллюминатор. Была сильная облачность. Появилось чувство страха. Животного, когда мозг перестает работать. К горлу подкатывал комок тошноты, и он сглотнул. Самолет сильно трясло, и Маркус вцепился рукой в подлокотник кресла. По лицу тек пот, волосы стали влажными, одежда промокла. Было страшно.

Джун Мотидзуки

Не успели они оторваться от земли, как его спутник, изрядно измотавшийся за время путешествия, погрузился в глубокий сон. Что Джун посчитал лучшим вариантов развития событий. В тайне он надеялся, что Маркус вообще проспит весь перелет до Пекина и не успеет нахвататься лишних впечатлений, которых и так на него сегодня вылилось с лихвой. Но, к его глубокому сожалению, в реальности все оказалось не настолько удачно, поскольку сон друга был прерван резко и достаточно болезненно, в каком-то смысле, для них обоих.

- Эй, все нормально. Самолет сильно не трясет и падать мы не собираемся. - Джун бросил взгляд на побелевшие пальцы, вцепившиеся в подлокотники кресла и покачал головой. Судя по всему, начинался тот самый тяжелый отрезок их перелета, которого он так надеялся избежать. - Успокойся. Дыши глубже. Осталось потерпеть не так много, и мы будем на месте.

Джун не хотел думать о том, что Маркусу в скором времени предстоит еще лететь еще из Пекина в Японию. Но там его хотя бы должен был сопровождать отец, к которому парень так стремился все то время, что провел в лазарете, а затем и в своей комнате и ради скорейшей встречи с которым прилагал все возможные усилия для своего восстановления.

Маркус Агирре

Он то оказывался в реальности, то падал в какую-то пропасть. Все смешалось воедино - и боль, и страх, и неосознанное желание выбраться из этой коробки, которая приносит смерть. Он зажмурился и часто и прерывисто задышал. Перед глазами, несмотря на то, что он закрыл веки, был образ. Один образ, единственный, и он впивался в сознание. Он был назойливым, и он приносил страх и какое-то чувство безысходности.

Ветка, на которую он наступил на берегу озера.

Что-то щелкнуло, потом пискнуло, треснуло. Молодой человек зажмурился сильнее. Страх своей липкой и когтистой ручонкой сильнее сжимал его сердце, в груди было чувство "похолодания".

Голос Джуна был где-то далеко, но потом стал ближе, и молодой человек открыл глаза. Отпустил подлокотник и протер руками мокрое и горячее лицо. Потом вздрогнул и посмотрел в иллюминатор. Светило солнце, и этот луч снова светил в глаза.

- Я... мне кажется, я... что-то вс-пом-нил, - с трудом проговорил молодой человек. - Па-лоч-ка. С нее все на-ча-лось. Мне... это ни-ког-да не за-кон-чится? Мне снят-ся кош-мары, я ус-тал от них, - уставшим и слабым голосом сказал он и снова закрыл глаза.

Джун Мотидзуки

Маркус не сразу отреагировал на его слова, некоторое время еще пребывая в каком-то другом мире. Но, к радости Джуна, через пару минут со стороны измученного спутника полилась вполне себе связная речь, позволяющая начать полноценный разговор, пусть тот и обещал стать более чем непростым.

- Скорее всего, кошмарные сны - это обрывочные воспоминания, и их существование - не такой уж и плохой знак. Ты же хотел больше узнать о своем прошлом. Я понимаю, что для тебя все это очень непросто и болезненно, но другого пути нет. Старайся воспринимать сны как возможность больше узнать о себе и продолжай работать над своим скорейшим восстановлением, как делал это до настоящего времени. Сам ты можешь не замечать, но для тех, кто все это время был рядом с тобой, твой прогресс очевиден. Взять, к примеру, речь. Если изначально ты вообще не мог говорить, то сейчас я прекрасно тебя понимаю с первого раза.

Джун очень надеялся, что Маркус с отрицательных моментов сможет переключиться на что-то положительное. Ну или хотя бы отвлечется от неприятных ощущений, связанных с кошмарным сном и самим перелетом, времени дол окончания которого становилось меньше с каждой пережитой минутой.

Маркус Агирре

Иногда, даже сейчас, когда он мог более-менее нормально сам все делать и не нуждался в постоянном уходе и заботе, ему было тяжело и страшно. Потому что нельзя просто так взять и забыть о тех кошмарах, которые тебя мучают почти каждую ночь или в любое другое время, стоит тебе просто закрыть глаза. Кошмарные сны выматывают, от них становится не по себе, и Маркусу от них было тоже непросто. Но он понимал, что не должен никому жаловаться, так как во всем, что случилось, была только его вина.

Ему рассказывали о бешенстве. Ему сказали, что бешенство передается со слюной больного животного. На ноге была ранка. Возможно, его укусили. Это была только его вина. И то, что после этого о нем стали заботиться, было что-то невероятное. Потому что здесь, в том монастыре, все были как одна большая семья.

- Мне уже дав-но снят-ся эти сны, - устало сказал он, глядя в иллюминатор. - И они не спо-собст-вуют тому, что-бы мне стало лег-че. Я... сно-ва про-мок. А ес-ли я всег-да буду про-сыпать-ся мок-рым? Или луч-ше не вспоми-нать?

Тело постепенно остывало, хотелось пить, а мокрая одежда прилипала к телу. Он снова почувствовал себя ничтожным, и это тоже не способствовало улучшению состояния и настроения.

- Отец не оставит меня, как раньше? Я боюсь, что не буду ему нужен. А вдруг он посчитает меня опасным для его сына?

Он вздрогнул, попробовав это представить. А потом, вздохнув, растегнул молнию на рюкзаке и достал из него новую футболку. Переоделся. Скоро, уже совсем скоро, ему придется учиться не просить о помощи и все делать самому. Страшно и в то же время как-то интересно. Ведь он стремился к этому все эти два месяца.

Джун Мотидзуки

- Тут многое зависит от самого отношения к снам, - Джун с трудом мог представить, что чувствует человек, переживший то, что Маркус, а использовать свои способности, с целью понять друга лучше, он не планировал, не горя желанием лезть в чужие негативные эмоции. Но личный опыт, связанный с первыми погружениями в мир духов, подсказывал, что не все кошмары оказывались настолько кошмарными при более пристальном рассмотрении.

- Когда во мне только начали пробуждаться способности шамана, я подозревал у себя прогрессирующее безумие, и первое время все происходящее меня дико пугало. Но постепенно возможность общаться с духами я принял как неотъемлемую часть своей жизни и стал воспринимать это как что-то естественное. Возможно, тебе просто нужно время, и конкретный сон постепенно превратится из кошмара в очередной кусочек большой головоломки.

Несмотря на то, что Маркус забыл свою прошлую жизнь и должен был восстанавливать личность практически с нуля, семейные черты, которые Джун бы отнес к не самым полезным, уже начали проявляться во всей красе. Следуя по стопам Яреци, парень принялся концентрироваться на негативных моментах, которые могли наступить по совершенно не очевидным для Джуна причинам. И здесь все точно нельзя было объяснить только банальными страхами, вполне нормальными для человека, совершающего одно из самых важных путешествий в своей жизни.

- Так, переставай уже придумывать всякие ужасы на пустом месте, - молодой человек решил сразу пресечь попытки Маркуса нарисовать картину будущего исключительно темными красками. - Твой отец приложил массу усилий, чтобы как можно скорее тебя перевезти. Он тебя ждет и уж точно не собирается тебя оставлять или ограничивать в возможностях.

Пусть Джун и плохо знал Рикардо Агирре, он не стал бы демонизировать его личность, даже если тот в свое время был не самым лучшим отцом и наделал кучу ошибок в воспитании старшего сына.

Маркус Агирре

Кажется, его слова были восприняты как жалобы, и молодой человек вздохнул.

Открыл глаза и посмотрел в иллюминатор. Под ними проплывали причудливой формы облака, а в глаза светило солнце. Маркус опустил пластиковую шторку и снова вздохнул. Стало прохладно, может ему так казалось из-за того, что некоторое время назад он вспотел сильно.

- Я... из-ви-ни. Я не хотел жало-вать-ся. Прос-то мне... меня... мне страш-но. Я буду за-нимать-ся, старать-ся восс-тано-вить-ся. Я ма-ло что у-мею, и... - Он вздохнул и посмотрел на своего сопровождающего, который сейчас стал его другом. Хотя Маркус не особо понимал понятие дружбы, но все-таки он думал, что Джун сейчас для него друг. Потому что он помогает, а друзья, как он слышал, не бросают друг друга в беде.

Он еще не до конца мог концентрироваться на мыслях, поэтому не договорил то, что хотел сказать. Хотя он даже не вспомнил, что хотел сказать. Подумал про кошмары. Почему-то это было для него очень важно, поговорить о кошмарах и о том, что случилось с ним перед смертью.

- Я не боюсь, что мне снят-ся кош-мары. Бо-юсь, что ими кого-то напу-гаю. И...спасибо тебе за по-мо-щь. Я хо-чу вспом-нить, что со мно-й ста-ло. Я пом-ню само-лет и аз-ропорт. Пом-ню, очень пло-хо, что ушел в дом. И... - он помассировал руками виски и вздохнул. - И ав-тобус из Лхасы. Но я не пом-ню, что-бы меня ку-сал кто-то.

Он замолчал и посмотрел на стюардессу, которая как раз подошла к их ряду и попросила застегнуть ремни, сообщив, что самолет готовится к посадке. Маркус сглотнул и слабо улыбнулся. Сердце забилося как-то по-другому, будто в предвкушении важного события. Это событие, встреча с отцом, была самой важной в его новой жизни, и он дал себе обещание, что обязательно приложит все усилия, чтобы быстрее стать нормальным человеком...

- Я хо-чу с ним вст-ретить-ся. И я бу-ду ста-рать-ся...

Джун Мотидзуки

- Умеешь ты уже не так и мало, - пусть сам Маркус и мог ощущать себя беспомощным, тому же Джуну было с чем сравнить, поскольку он видел парня в первые дни после возвращения того из мертвых. И по сравнению с тем овощеподобным состоянием, сейчас его друг являлся просто образцом адаптированности к окружающей действительности.

- Что-то ты еще обязательно вспомнишь. А если в твоей памяти останется много пробелов... Ты постепенно научишься с этим жить, создавая новые воспоминания, и, во многом, именно от тебя будет зависеть, какими они станут. - В Японии Маркусу предстояло столкнуться с новыми трудностями, о которых он даже еще и представить себе не мог, и Джун очень надеялся, что поддержка родным поможет младшему Агирре не растерять желания как можно быстрее начать жить полноценной жизнью.

- Вот и отлично, - молодой человек был рад повороту разговора в позитивное русло.
- Отца ты увидишь уже очень скоро. А пока осталось немного потерпеть, и мы будем

в Пекине.

Если бы Джун мог хоть как-то ускорить движение самолета, то обязательно бы это сделал, но в нынешней ситуации он был бессилен. А потому ему только и оставалось, что надеяться на благополучное разрешение проблемы перемещения медленно выздоравливающего друга на большое расстояние. И его надеждам, по большей части, суждено было сбыться, поскольку после нескольких волнительных часов, с начала посадки на самолет, они благополучно приземлились в аэропорту Пекина. Где их уже ждала Яреци, навстречу которой Джун и отправился, время от времени проверяя, как идут дела у следующего за ним Маркуса.

Маркус Агирре

Самолет тряхнуло, и Маркус снова ощутил какое-то неприятное чувство похолодания в груди и зажмурился. Снова на лбу выступил пот, и он судорожно вздохнул. Чувство страха усиливалось, и он не имел представления, что будет потом, когда он встретится с отцом. Он хотел спросить у Джун что-то про отца, но не мог. Отчасти потому, что он уже спрашивал об этом, и Джун что-то рассказывал. Вот только Маркус не помнит, что именно ему рассказывали. И вот это страшно. Что он не помнит своей истории, истории своей семьи. Знаком ли он с новой женщиной отца? Будет ли она о нем заботиться, если его будут накрывать воспоминания? Или его прогонят как побитую собаку?

Почему-то образ побитой собаки всплыл в его сознании, и он вздрогнул. В этот момент самолет еще несильно тряхнуло, и он затрясся, постепенно снижая скорость и останавливаясь. Самолет совершил посадку, и Маркус открыл глаза.

Вскоре можно было покинуть салон, и он встал и следом за Джуном направился к выходу. На трапе остутился и чуть не полетел вниз. Двигательная активность восстанавливалась быстрее, чем речевая, но иногда случались промахи. И это было плохо. Он закусил губу и направился дальше.

И вот Джун направился к девушке, которая стояла у столба. Маркус посмотрел на нее.

- Здрав-ствуй-те, Яре-ци, - с трудом проговорил он и облизал пересохшие губы. - Мож-но мне по-пить? Я ус-тал, - сказал он уже Джуну и направился к лавочке и тяжело опустился на нее.

Яреци Фернандез

Тору ничего не ответил, и девушка вздохнула. Она решила было набрать ему снова, но подумала, что есть веская причина не отвечать. Скорее всего было одно из двух - или он просто занят, либо не хочет общаться на эту тему. Одернув себя от начала накрутки, что ему не нужны никакие ее родственники, она решила, что самая вероятная причина его молчания - он просто слишком занят. Он бы ответил, и он обязательно ответит, когда у него появится время. И все, больше ничего нет. Он просто занят. Ведь если бы он не хотел, чтобы она связывалась с Маркусом, встречалась с ним и помогала переправиться в Японию, то ее бы сейчас не было здесь. Но он разрешил ей поехать встречать Маркуса, потому что она стала все рассказывать и не утаивала от него ничего. Она любила его и старалась делать их

жизнь счастливой. Сейчас появилась какая-то приятная стабильность, пока несколько тонкая, но все-таки приятная.

Объявили о прибытии самолета, и девушка подошла ближе. Так как Джун и Маркус летели бизнес-классом, то они должны были выйти первыми. Она стала внимательно наблюдать за выходящими людьми. Но Маркуса и Джуна все еще не было. А вдруг с братом что-то случилось? Она замотала головой, отгоняя противные мысли и привлекая внимание какого-то китайца, который хищно улыбнулся, посмотрев на нее.

А потом вышли Джун и Маркус. При виде последнего девушка побледнела и испуганно ахнула. Маркус выглядел хуже, чем ужасно, на лбу был пот. Он был достаточно худым и шел очень тяжело, будто был пьяным. А уж когда он поздоровался с ней, она поняла, что все еще хуже, чем она себе представляла.

- Боже, это... Джун, это ужасно, - сказала она, глядя на Джуна, а потом переводя взгляд на брата, который тяжело опустился на скамейку. - Он... он же восстановится? Дядя не смог сейчас приехать, а Тору занят, и я не знаю, что делать.

У нее не было с собой воды, но недалеко было кафе, в котором эта вода стоила за пределами денег.

- Я сейчас куплю воду. И... спасибо тебе, Джун, что смог вернуть его с того света.

Представив, что стало бы с Маркусом, не найди его Джун в доме, она вздрогнула и сглотнула. И ушла в кафе. Вернулась через пару минут с бутылкой воды. Протянула ее брату.

Джун Мотидзуки

Реакция Яреци на Маркуса была даже немного лучше, чем Джун себе представлял, но, все равно, он искренне порадовался, что девушка не видела своего двоюродного брата, когда тот только начинал вставать на руки. То зрелище явно не подходило для слабонервных, к числу которых, к счастью, не относились приставленные к Маркусу "няньки", относительно спокойно и, главное, безропотно справлявшиеся с возложенными на них обязанностями.

- Ничего, восстановится. Он быстро все осваивает. - Джун, имея в своей памяти прекрасный образец для сравнения, считал, что сейчас Маркуса вполне можно назвать уже неплохо адаптированным к окружающей реальности. - А раз встреча с отцом откладывается, - он бросил внимательный взгляд на друга, пытаясь оценить, как тот отнесся к данной новости, - то надо его отвезти туда, где он сможет отдохнуть - к вам или в гостиницу.

На благодарность Яреци Джун только хмыкнул, не считая себя главным действующим лицом в деле возвращения парня с того света. Эта заслуга в большей степени принадлежала Тео, а также Юншену, помогавшему восстанавливать мозговые структуры. Но комментировать ничего не стал, ожидая, когда девушка вернется с бутылкой воды. С пластиковыми бутылками Маркусу еще сталкиваться не приходилось, но, как казалось Джуну, существо, обладающее интеллектом,

вполне могло сообразить, каким образом открутить крышку. А потому он не стал пока помогать другу, полагая, что тот имеет право самостоятельно осваивать блага большого мира, в который так стремился все время, проведенное в монастыре.

Маркус Агирре

Молодой человек не особо слушал, о чём говорили девушка, которая была его сестрой, и Джун. Можно сказать, он не понимал их разговор, так как вёлся он достаточно быстро, а уставший мозг молодого человека не мог воспринимать информацию так быстро. Но он понял, что отец не приехал, что-то его задержало. Он тяжело и глубоко вздохнул и открыл глаза, чтобы посмотреть по сторонам. Людей было очень много, и у него заболела голова от обилия образов и громких голосов, которыми разговаривали люди. Ему это не понравилось, и он снова вздохнул.

К нему подошла девушка и протянула ему пластиковую бутылку воды. С пластиком молодой человек ещё не был знаком, и как откручивать крышку - тоже. И это его пугало. Здесь было много всего, чего он не знал. Кто будет его всему учить? Чему ему предстоит научиться? Будет ли отец заниматься им, помогать ему? Или, как он слышал из рассказов Джун о его прошлом, отец снова будет где-то, но не с ним?

Проглотив горький комок, Маркус взял бутылку и стал пытаться открутить пробку. Он понятия не имел, в какую сторону надо крутить, и попробовал сначала в одну сторону, в которую ему было легче, но крышка не поддавалась. Он вздохнул и постарался повернуть ее в другую руку, и крышка открылась.

- У ме-ня полу-чи-лось, - сказал он и стал жадно пить воду. А потом посмотрел на Джун и Яреци. - О-тец не при-е-хал? У не-го что-то слу-чи-лось? Он на пе-гово-рах? - Спросил Маркус, пытаясь выговорить слово "переговоры", но не получилось. Это было ещё одно слишком сложное для него слово. Как и много других.

Яреци Фернандез

- Он... бедняга, мне его жалко, я хочу ему помочь. Я понимаю, что ему нужна забота и чуточку любви, но... дядя поможет ему, обязательно. Он сам ждёт его возвращения, - сказала девушка, тяжело вздохнув.

Она видела, как Маркус мучается с бутылкой, и от этого сердце обливалось кровью. Ему предстояло многому учиться, многое изучать заново, но сейчас он старался изо всех сил справиться с этой проблемой. Наконец, у него получилось. Она обрадовалась за него и присела рядом с ним. Осторожно пальцем стёрла с губ остатки воды и провела ладонью по небритой щеке. Она уже и не помнила, когда дотрагивалась до небритой щеки, только целовала в щёку папу, а у Тору щетина растёт не так быстро, как у европейцев. Мотнув головой, она услышала сигнал сообщения и вытащила телефон.

- Тору согласен, чтобы мы привезли Маркуса домой. Пойдём, ему надо отдохнуть, да и тебе тоже, - сказала она Джуну и встала с лавочки. - Ты идти сможешь? Тебе легче стало? - Спросила она у брата.

Джун Мотидзуки

Если на лице Яреци, смотрящей на мучения Маркуса с бутылкой, отражалось искреннее сожаление, то сам Джун был вполне удовлетворен успехами друга. Тот со всем справился самостоятельно, и это являлось идеальным вариантом развития событий. Его больше не надо было поить и помогать с другими базовыми действиями, а со всем остальным вполне можно было разобраться в ближайшее или не очень время.

- Я и не сомневался, что дядя согласится. - Джун надеялся, что странная семейная пара, наконец, смогла договориться по основным вопросам взаимного сосуществования. - Тогда давай собираться. Я помогу тебе довести его до квартиры, а сам потом поеду в отель. Но, если что понадобится или возникнут какие-то вопросы - сразу звони. Я приеду или просто проконсультирую, что и к чему.

Мало кто провел с Маркусом столько времени, сколько он, поэтому Джун был готов поделиться любой информацией, способной помочь процессу восстановления. Да и ответственность за друга он был готов сложить с себя только после того, как тот встретится с отцом, и раз этот момент оттягивался, не мог оставить Яреци, пусть и при помощи дяди, разобраться с взятой на себя работой.

Маркус Агирре

Прикосновение ладони девушки к его щеке заставило его вздрогнуть и внимательно посмотреть на нее. Потом он отстранился от нее и вздохнул.

- Я... да, навер-ное, я смо-гу дой-ти, - он встал с лавочки, получилось с трудом. Вздохнув, он сделал несколько шагов и пошатнулся. Сначала решил опереться на Джуна, но это было бы слабостью. Он и так был очень слабым, физически и духовно, и сейчас он хотел что-то поменять. Просто он понятия не имел, как менять и что менять.

Ему предстояло пожить в чужом доме, и он вздрогнул. Как муж этой девушки (он ведь муж, правильно?), называвшей себя его сестрой, отнесется к нему? А вдруг Маркус по незнанию или глупости сделает что-то неправильно, чем разозлит их или напугает их дочь? Но ведь остаться на улице он не сможет. Сейчас он не сможет там выжить. Он сжал руки в кулаки и зажмурился. Если он хочет встретиться с отцом, то надо потерпеть. Ночь или несколько дней. А потом будет лучше и спокойнее. Отец ведь приедет, не бросит его.

- Нам да-ле-ко е-ха-ть? Я ус-тал, - сказал он, упрямо идя рядом с ними и делая вид, что он самый нормальный человек.

Яреци Фернандез

Яреци убрала бутылку воды в свой рюкзак и снова посмотрела на Джуна.

- Тебе дядя заказал номер в отеле. Он думал остаться там с Маркусом на ночь, но раз получилась такая неприятная ситуация, то останешься там. Я думаю, мы справимся, ведь я останусь не одна с Маркусом, и Тору... он же поможет мне.

Она искренне надеялась, что Тору действительно сможет чем-то помочь. Не в физическом плане, а в душевном. По рассказам Джуна она поняла, что Маркус сам не хотел быть обузой и, как только научился вставать и ходить, старался все делать сам. Девушка пыталась представить, что мог чувствовать Маркус, когда не мог еще ходить и говорить. Она была уверена, что он все понимал, не был овощем, и ведь он мог испытывать стыд. В монастыре ведь нет никаких благ цивилизации вроде катетеров и прочего. Но если бы он оказался не в монастыре, то погиб бы. Его бы не спасли. От бешенства не выживают. Она вздрогнула. То, что Маркус из Африки поехал именно в монастырь наводило на мысли, что он понял, что заболел и может умереть, и пытался найти помощь. Но почему он пошел в сгоревший дом, а не в лазарет? Об этом она старалась не думать.

Маркус встал и согласился ехать к ним домой. Яреци посмотрела на него и захотела его как-то поддержать, но решила не вмешиваться, чтобы не усугублять. По Маркусу было видно, что вся эта ситуация его напрягает, и то, что он старался идти сам, делало ему честь. Он не хотел быть обузой.

Они медленно вышли из аэропорта. Яреци поймала такси, назвала адрес, и они сели в машину. Если не будет пробок, то они доберутся быстро. Но сейчас на это рассчитывать не приходилось - в это время в Пекине всегда пробки.

- Как он перенес переезд? Были как-то серьезные проблемы? - Спросила она у Джуна.

Джун Мотидзуки

На слова Яреци о номере в отеле Джун только кивнул. У него был свой вариант, где и как расположиться в Пекине, но раз все сложилось подобным образом, не имел ничего против размещения в выбранном Рикардо Агирре месте. Да и сейчас его больше интересовала способность Маркуса перемещаться без чужой помощи. Выглядел парень не самым лучшим образом и, судя по всему, держался на ногах только благодаря упрямству. Но навязываться Джун не стал, считая, что Маркус должен сам учиться оценивать свои силы, а потому просто пошел рядом, чтобы тот хватался за него, когда уже не сможет передвигаться самостоятельно.

- Маркус хорошо держался, - Джун не был уверен, что друг захочет, чтобы его слабости стали достоянием общественности, поэтому не стал сразу рассказывать о кошмарах и страхах. Хотя он и прекрасно понимал, что поговорить с Яреци и предупредить ее о возможных проблемах необходимо. Пока девушка больше переживала из-за сразу бросающегося в глаза физического состояния брата, но кроме него существовала и масса других важных вопросов, которые Маркусу предстояло решить уже в ближайшее время. И Яреци могла столкнуться с неприятными и тяжелыми для нее моментами уже в ближайшее время, раз решила приютить больного, а, точнее, выздоравливающего как минимум на ночь.

Маркус Агирре

На улице было очень душно, и у него сразу закружилась голова. Он пошатнулся, но пошел следом за Джуном и Яреци. Воздух здесь был очень загазованный, и к головокружению добавилась боль в висках. Глаза тоже заболели из-за яркого солнца, а сознание взорвалось из-за всяких разных звуков. Машины, человеческие

голоса, крики и сигналы - всего этого с раннего утра, как только они сели в автобус в деревне, было очень много.

В машине он еще не ездил, поэтому не сразу понял, что нужно наклониться, чтобы залезть в салон, поэтому впечатался лбом в какие-то детали. Забрался на заднее сиденье и закрыл глаза. Звуки и загазованность воздуха давили на сознание, и на некоторое время он потерял связь с реальностью. А потом машина резко затормозила, заставив его открыть глаза. Машина попала в пробку и двигалась очень медленно и недолго, резко останавливаясь. Он сглотнул и облизал пересохшие губы. Снова на лбу выступил пот, ладони вспотели. Он еще раз сглотнул.

- Я... меня тошнит... мне плохо, - слабым голосом пробормотал он, зажмурившись и сжав руку в кулак, захватив в него ткань брюк.

Яреци Фернандез

Девушка смотрела на брата. Они все втроем сели на заднее сиденье, чтобы Маркус мог положить голову на ее плечо или плечо Джун. И все сначала было хорошо, Маркус держался неплохо, а потом заснул.

- Ты что-то недоговариваешь. Он... ему очень тяжело восстанавливаться? Ему... он... Джун, мне его очень жалко. Я бы помогла ему, но... Тору, не уверена, что он бы оценил мою заботу о брате. Ведь Маркус сделал нам много плохого.

Она замолчала и посмотрела в окно. Машина остановилась в пробке, и девушка обеспокоенно посмотрела на него. Маркус был очень бледным, и вскоре его начало тошнить. Яреци достала из рюкзака бутылку воды и напоила брата. Но это не помогло. Его начало тошнить, и она нашла пакет. Водитель что-то проворчал. После спазмов молодой человек снова заснул, и девушка нежно провела ладонью по его щеке.

Через два часа они приехали к квартире. Яреци разбудила брата, который был очень бледным, и помогла ему выйти из машины. Расплатилась с водителем и повела брата и Джун к своему новому дому.

- Проходите. Маркус, я тебе сейчас постелю в комнате, тебе надо поспать. Джун, не хочешь чаю? Или поесть?

Джун Мотидзуки

Путешествие в такси стало для Маркуса очередным испытанием, и хоть тот ранее относительно успешно перенес переезд по горным дорогам на автобусе и перелет на самолете, шум и суeta большого города сыграли свою злую шутку. И глядя на то, как парень страдает, пытаясь совладать с тошнотой, Джун даже немного порадовался, что бурные эмоции, которые должна была вызвать встреча с отцом, немного откладываются во времени. Сейчас Маркусу был нужен только отдых, которым трудно было назвать вымученный сон в машине.

- Все потом, - даже если несчастный путешественник сейчас и должен был плохо воспринимать их разговор, некоторые вопросы Джун не хотел поднимать в его

присутствии, боясь ухудшить и без того тяжелое состояние. Которое продолжало внушать опасения до момента, как они смогли выбраться из машины, прервав затянувшееся путешествие.

- От чая я не откажусь, - кивнул молодой человек, когда они выбрались из машины и поднялись в квартиру, не так давно снова собравшую всю семью дяди под одной крышей. - Но сначала надо уложить Маркуса и дать ему нормально поспать. Если понадобится какая-то помощь, сразу говори.

Джун поставил свой рюкзак и рюкзак Маркуса, который таскал большую часть путешествия, в угол и снял обувь. Квартира немного изменилась с того момента, как он был здесь во время своего предыдущего посещения Пекина, сразу выдавая, что в ней появилась женщина, но сейчас вопросы совместной жизни дяди и Яреци волновали Джуну в последнюю очередь. А потому молодой человек дождался, когда друг отправится на долгожданный отдых и, приютившись в кухонной зоне, приготовился рассказать девушке все, что ей могло пригодиться, если та собиралась взять на себя временную ответственность за здоровье своего двоюродного брата.

Маркус Агирре

Время с того момента, как его укачало в машине и до того, как он оказался в квартире, он не помнил. Правда, лифт его немного напугал, и он сглотнул. Голова очень сильно кружилась и болела.

Вскоре они вошли в квартиру, и молодой человек снял обувь. Девушка показала ему, где находится ванная, и он долгое время тупо смотрел на кран. В монастыре не было кранов, и он не знал, что это такое, точнее не знал, как этим пользоваться. Поднял рычаг, и пошла вода. Он умылся и посмотрел на себя в зеркало. Осунувшееся лицо, очень бледное, с щетиной. Футболка была мокрой, и он вздохнул. Прополоскал рот и вышел из ванной комнаты.

- Я... про-лил во-ду, прос-ти-те, - пробормотал он и посмотрел на девушку. - Джун, спа-сибо те-бе, что ты м-не по-мог. Я хо-чу спа-ть. Мож-но мне по-пить?

Яреци Фернандез

Яреци видела, как Маркусу тяжело, но не могла ничем ему помочь. Ему нужно было самому восстанавливаться, и это, кажется, понимал он сам, так как не жаловался. Он старался сам все делать, но получалось плохо, и это было плохо. Потому что провалы не помогали восстанавливаться. Она по себе знала, когда изучала каллиграфию. Когда не получалось ничего, хотелось просто бросить все и не заниматься этим. В семейных отношениях она именно это и делала. Ладно, сейчас не об этом.

Маркус вышел из ванной, и она повела его в комнату. Дала стакан воды, чтобы он напился. Протянула футболку Тору и, когда он переоделся и лег на постель, провела ладонью по его щеке и поцеловала в лоб. Только убедившись, что он заснул, она вышла из комнаты и, прибравшись в ванной, пошла на кухню, где уже сидел Джун. Она включила электрический чайник и села за стол напротив.

- Он заснул. Переезд был очень тяжелым? Он... с ним очень тяжело было? С чем мне придется столкнуться?

Она представила, что если Маркусу в ближайшее время будет плохо, то ей придется заботиться о нем. Понравится ли это Тору? Не будет ли он считать, что лучше было бы оставить Маркуса в отеле? Не станет ли присутствие брата причиной очередного скандала в их хрупком мире?

- Я не знаю, что мне делать. Если Маркусу будет плохо, мне... я... должна буду позаботиться о нем или просто не обращать внимания? Он... Джун, как он воспринимает рассказы о своем прошлом?

Чайник закипел и выключился. Яреци заварила чай, разлила его по чашкам и поставила одну перед Джуном. Вторую взяла себе и снова села напротив.

Джун Мотидзуки

Проследив за тем, что Маркус благополучно отправился в мир снов, Яреци вернулась, чтобы составить Джуну компанию за обещанным чаем. Ну а тот, в свою очередь, взялся отвечать на ее вопросы, благо сейчас их не слушали уши, принадлежавшие обсуждаемому человеку, что на взгляд молодого Мотидзуки было не слишком корректным. Особенно если речь заходила о слабостях и проблемах друга, о которых он просто не мог умолчать, если желала тому добра.

- Начнем с самого основного, - чтобы настроиться на непростой рассказ Джун сделал большой глоток ароматного горячего напитка. - Яреци, ты должна понимать, что тот Маркус, которого ты знала, умер. Два врача, один из которых практически вытащил его из мира мертвых, восстанавливали мозговые структуры, от которых почти ничего не осталось. Твоему брату пришлось всему учиться заново, как только что появившемуся на свет ребенку. Но, к счастью, в его случае этот процесс шел гораздо быстрее. И сейчас его уже не нужно кормить, купать и одевать, как куклу. Так что твоя задача помогать в том, о чем он попросит. Если Маркус что-то захочет сделать сам, пусть пытается.

Джун замолчал, чтобы дать Яреци переварить информацию, а себе самому насладиться чаем. Но уже очень скоро вернулся к следующему вопросу, который волновал как девушку, так и его саомго.

- Перелет прошел бы неплохо, если бы не кошмары, которые начались относительно недавно. Во снах Маркус видит какие-то осколки своего прошлого, и они вызывают у него массу вопросов. Так что в этом плане тоже можно ждать трудностей. Я всегда отвечал на его вопросы, но все скользкие моменты пока обходил стороной. Думаю, у него стоит создать положительный образ бывшей личности, чтобы избежать проблем в настоящем. Но решение, что ему рассказывать, если он начнет задавать вопросы, когда я уйду, остается за тобой.

Джун не знал, насколько правильно поступал, предпочитая замалчивать сделанные Маркусом в прошлом ошибки, но из-за впечатлительности друга, помноженной на его плачевное состояние, предпочитал не усугублять, надеясь, что тот найдет в себе силы жить, не цепляясь за былое.

Яреци Фернандез

Девушка тяжело вздохнула, выслушав Джуна, и тоже отпила немного чаю. Она понимала, что с Маркусом может быть очень тяжело, и была готова справиться с трудностями. Просто все это было неожиданно, учитывая, что за несколько дней до его смерти она что-то чувствовала.

- Тяжело все это слышать, очень тяжело. Мне действительно страшно все это видеть. Его страдания и страхи. Знаешь, за несколько дней до его попадания в деревню я что-то чувствовала. И в аэропорту Пекина тоже, когда возвращалась домой. Я не пользовалась способностью к прорицаниям, но... не думаю, что все это случайность. Его нынешнее состояние.

Маркус сделал им очень много плохого. В конце-концов, он был косвенно причастен к смерти мамы. Яреци была уверена, что если бы Маркус не стал подсыпать эту отраву, то она бы сейчас была жива и вполне себе здорова. И, вероятно, хотя бы один раз посмотрела на Кимико. Еще Маркус был причастен к смерти какого-то парня в Африке. Из-за него страдали они с Тору, его отец и другие люди. Но в то же время Маркус сделал и что-то хорошее. Вытащил ее из секты. Спас своего брата из лап похитителей. И она сомневалась, что он хотел просто так прервать свою жизнь.

- Кошмары - это плохо, - тяжело вздохнула девушка, вспомнив, как ей самой снились кошмары после расставания с Тору. Но тогда она была совсем одна, и никто не мог ее успокоить. - Спасибо, что вы были с ним и не бросили его. Но он... мне кажется, он не просто так приехал сюда. Насколько мне известно, он должен был вернуться в Токио.

Ей показалось, что сейчас они говорили на совершенно разные темы. Яреци было тяжело видеть брата таким беспомощным и слабым, и она хотела помочь ему вылечить душу. Физически она помочь ему не могла, но успокоить, если ему будут сниться кошмары, подарить тепло и заботу - это было не так сложно. Но она не хотела от него ничего скрывать.

- Знаешь, учитывая его характер, я могу предположить, что все, что с ним случилось - это был несчастный случай. Если бы это был укус, то он не стал бы рисковать и обратился за помощью. Либо он бы просто не поехал сюда. Он... спрашивал, как он получил бешенство?

Сейчас способность к прорицаниям могла помочь. Можно было проследить его Нить Судьбы, но она сомневалась, что это нужно.

Джун Мотидзуки

Выплеснутую на нее информацию Яреци восприняла вполне адекватно, пусть пока и не могла относиться к этой ситуации так просто, как он сам. Но, как уже успел убедиться Джун, время в этом вопросе быстро все расставляло по своим местам. Когда у тебя имелась конкретная цель, переживания отходили на второй план, поскольку больше вредили, чем помогали. Собственно, мысля именно в таком направлении он сразу после возвращения Маркуса в мир живых выбрал себе для ухода за больным самых невозмутимых помощников, для которых дело всегда шло впереди эмоций. О чем ни разу не пожалел.

- Скорее всего, он почувствовал, что близок к смерти и решил, что монастырь его последняя надежда, - предположил Джун, поскольку сам в похожей ситуации рассуждал бы примерно в таком ключе. - А, может, все было не так. Не думаю, что теперь это имеет какое-то значение.

За разговором Джун не заметил, как опустошил свою чашку и непроизвольно начал возить ее по столу, словно это помогало сосредоточиться на самых важных моментах. Которыми они с Яреци, похоже, считали немного разные вещи.

- Учитывая его характер, я могу предположить, что угодно, - вздохнул молодой человек. - Да, он интересовался тем, что с ним случилось, хотя лично я не понимаю, как это знание сможет ему помочь.

Джун не любил концентрироваться на прошлом и хоть понимал, как важны для Маркуса воспоминания, считал, что намного полезнее для друга было бы найти цель, ради которой стоит жить в этом новом для него мире и сражаться с постепенно отступающей немощью.

Яреци Фернандез

В коридоре послышались неуверенные и медленные шаги, и девушка вздохнула. Налила новый чай и поставила чашку перед Джуном. Снова села по другую сторону стола и задумалась. Сейчас ее волновали две вещи - что именно случилось с Маркусом и как сделать так, чтобы отец ему действительно помог. Потому что она, в отличие от Джуна и нынешнего Маркуса, прекрасно понимала, что дядя Рикардо не будет сидеть с ним, успокаивать его душу и помогать справляться с бытовыми трудностями. Потому что он просто этого не умел. Оставалось надеяться, что новая женщина дяди сможет подарить Маркусу хоть немного заботы и тепла.

- Я думаю, он бы не стал подвергать жизни родных опасности, если бы заразился бешенством из-за глупости. Если бы это действительно было из-за глупости, он бы не приехал в монастырь. Ведь даже когда произошло убийство в Африке, он делал все, чтобы его никто не нашел. Он готов был отсидеть в тюрьме, но это могло навредить репутации его отца. Впрочем, тебе это неинтересно, и я не уверена, что все, что я хочу для него сделать, правильно.

Девушка замолчала и опустила голову, уставившись в свою чашку с чаем. С одной стороны, она понимала, что нужно отпустить прошлое, но ведь прошлое - это воспоминания, история. А сейчас у Маркуса нет никакой истории, от слова "совсем". И она не была уверена, что ему не стоит вспоминать все плохое, что он сделал. Ему надо, наверное, об этом рассказать, чтобы он помнил, что так поступать нельзя. Да и в последнее время Маркус не был тем отморозком, которого она знала. Она не знала, что делать.

- Оставить все так, да? Не рассказывать ему больше ничего? Просто отдать его отцу, и пусть тот разбирается с ним? - Вздохнула девушка. Да, наверное так будет правильнее.

Маркус Агирре

Некоторое время уставший мозг отдыхал, давая телу расслабиться, но потом что-то пошло не так. Скрип по карнизу подоконника заставил его застонать и вынырнуть из сна. Мозг стал снова генерировать какие-то странные картинки, и снова была эта палочка, а рядом с ней был источник воды. Из-за этой палочки он умер. Но почему, что случилось? Ведь бешенством можно заразиться только от укуса. Его никто не кусал. Он не помнит это.

Полежав некоторое время на постели и посмотрев на потолок, он глубоко вздохнул. Скоро он встретится с отцом, с которым придётся учиться жить. Он не помнил, какие у него были отношения с отцом и той женщиной, которая сейчас жила с ним, и об этом ему никто не рассказывал. Джун не знал его отца, а Яреци... она пока ничего не рассказывала. Наверное, она тоже ничего не знала о прошлом. Но эта палочка... почему этот образ его преследует?

Он встал и пошатнулся. Вышел из комнаты и нетвёрдой походкой направился в ванную. Возвращаясь оттуда, он услышал разговор, и остановился. Поморщился и вздрогнул, когда услышал про убийство. Он совершил убийство? Почему ему ничего не рассказывали? Почему самое важное скрывали от него?

Мысли разлетались по сознанию, заболела и закружилась голова, и молодой человек пошатнулся, почувствовав слабость. Собрав мысли кое-как воедино, он вздохнул и направился к сидящим на кухне людям.

- Прос-ти-те, я слы-шал ва-ш раз-го-вор. Вы ска-за-ли, что я со-вер-ши-л убий-ство. Я дол-жен си-деть в тю-рь-ме? Мне снит-ся эта па-лоч-ка. Как я за-ра-зил-ся бе-шен-ством? Я хо-чу на-чать жи-ть за-но-во, но раз-ве пло-хо знать прош-лое? Я не бу-ду за не-го цеп-лять-ся. Ес-ли я со-вер-шил мно-го пло-хо-го, мне надо зна-ть, чтобы не сде-лать это сно-ва. По-жа-луй-ста, по-мо-гите мне вс-пом-нить всё, что бы-ло со мно-й. Я не хо-чу со-вер-шать оши-бок. Прос-ти-те, ес-ли из-за ме-ня вам тя-жело.

Говорить много он не привык, и последние слова вылетали с большим трудом. Эти действия вымотали его, и он почувствовал, как дрожат ноги. Он прислонился плечом к дверному косяку и остался стоять, хотя недалеко был третий стул, но до него надо было дойти. А сил не было. Может, если он немного постоит, то силы вернуться к нему?

Джун Мотидзуки

Джун так и не смог понять, почему так важно выяснить, каким образом Маркус заразился бешенством. В конце концов, это был совсем не уникальный случай. Да и, на его взгляд, инстинкт выживания мог быть намного сильнее всяких там морально-нравственных моментов, так что он не стал бы сравнивать случившееся с убийством, о котором предпочел бы вообще лишний раз не вспоминать, чтобы не смущать себя и, тем более, Маркуса.

- Да почему, можно рассказывать. - Лично сам Джун старался отвечать на задаваемые ему вопросы, пусть и иногда немного искажал информацию. - Просто делать это аккуратно и осмысленно, чтобы не навредить. И, на мой взгляд, больше внимания стоит уделять не прошлому, а вероятному будущему.

Продолжить эту тему Джуну не дало появление друга, который вместо того, чтобы отдыхать, взялся слушать чужие разговоры и интересоваться непростыми моментами, заставляя молодого человека в очередной раз пожалеть о неосторожности Яреци, поднявшей опасную тему. Но сохранять молчание в такой ситуации не представлялось возможным, а потому он начал с самого простого - с вопроса на который мог ответить прямо.

- Я понятия не имею, как ты заразился, - Джун отставил чашку, которая за разговором опустела еще быстрее первой, в сторону. - Знал бы - рассказал. Но об этом нет никаких данных. Что же до всего остального... - Он ненадолго замешкался подбирая правильные слова. - В твоём прошлом немало как хороших, так и сомнительных поступков. Но, в любом случае, ты уже не тот человек, который их совершал. И у тебя есть шанс начать новую жизнь и прожить ее так, как ты считаешь правильным.

Джун сильно сомневался, что история с убийством сейчас поможет Маркусу восстановиться. Скорее наоборот, она могла вогнать его в глубокую депрессию, перечеркивая уже имеющиеся достижения, и это останавливало молодого человека от предельной откровенности по отношению к другу.

Яреци Фернандез

- Какое может быть будущее без прошлого? - Вздохнула девушка, а потом посмотрела на вошедшего на кухню брата. Он выглядел ещё хуже, чем недавно, и она покачала головой. - Сомневаюсь, что это правильно - скрывать от него важные моменты.

А потом Маркус попросил ему что-то рассказать, и девушка прикусила губу. Она могла попытаться проникнуть в его прошлое и узнать, что с ним случилось на самом деле. Возможно, в этом мог скрываться ответ, что делать дальше. Узнав о бешенстве, она прочитала разные статьи и сделала вывод, что если бы Маркуса кто-то укусил, то он бы действительно обратился за помощью. Если бы его облизала бешеная собака, то он бы мог из-за своей безалаберности просто не обратить внимания. Но это достаточно редко, обычно бешенство бывает агрессивным. При укусе он не стал бы рисковать своей жизнью. Она это знала. Ведь теперь в его жизни были люди, которые ему помогали. Отец, друзья из монастыря. Он очень долго и тяжело шёл к примирению с отцом, чтобы просто приезжать больным. Здесь было что-то другое.

- Я попробую узнать, что случилось с тобой. А потом отвечу на волнующие тебя вопросы. Джун прав - тебе надо думать о будущем, которое должно быть другим, - улыбнулась девушка и протёрла руками лицо.

Прикрыв глаза, она представила Маркуса. Вспомнила его в монастыре, когда была очередная активность. Он ей сказал, что едет в Кению, просто погулять с Чарльзом и сотрудниками заповедника по национальному парку. Сосредоточившись, девушка стала следить за его нитью Судьбы. Вот он сел в самолёт, прилетел в Кению. Встретился с какими-то людьми. Потом они поехали на джипах в парк, на озеро. Маркус снял с себя одежду, остался в одних плавках. А потом пошёл к зарослям и наступил на что-то. Девушка вздрогнула.

Потом был самолёт, рейс "Найроби-Токио" с пересадкой в Абу-Даби. Маркус пошёл к стойке информации и купил билет до Пекина. В зале ожидания ему было плохо, у него поднялась высокая температура, и Яреци это ощутила. В самолёте у него начались галлюцинации.

В Пекине нить Судьбы стала какой-то странной. Были обрывки, в самолёте до Лхасы девушка видела, что Маркусу было очень плохо, он торчал в туалете. А в автобусе нить почти прервалась. И дом... сгоревший дом, в который Маркус ушёл. Вот он пишет сообщение...

- Боже... - Пробормотала девушка, открывая глаза, в которых стояли слёзы. - Джун, это... это ужасно. Он наступил на что-то, где была слюна бешеного животного. Джун, он... в самолёте понял, что заболел, но... не успел. Он хотел прийти в монастырь, но уже в автобусе стал терять сознание. Он ушел в дом, поняв, что не успел. Он не хотел никого убить. Последнее, что было в его личности - это он писал сообщение.

Яреци стёрла выступившие на глаза слёзы и отпила чай. А потом посмотрела на брата.

- Маркус, всё, что с тобой произошло - это был несчастный случай. Тебя никто не кусал, ты никого не кусал. Тебя спасли, и ты можешь жить дальше. Пользуйся этим. Что же до убийства, то... - она посмотрела на Джуну, а потом снова перевела взгляд на Маркуса. - Это было не совсем убийство, скорее превышение самообороны. Тебя отправились искать отец и Тору, и ты их спас от гибели. Ты спас меня в прошлом году. Маркус, ты... тебя отец очень сильно любит и боится тебя потерять. Доверяй ему и ничего не бойся.

Сказав всё, девушка глубоко вздохнула и посмотрела на часы.

- Скоро должен прийти Тору. Ты подождёшь его или отправишься в отель?

Маркус Агирре

Девушка сказала, что попробует узнать, что с ним случилось, и он напрягся. А вдруг Джун прав, и ему не стоит все это вспоминать. Но убийство... ведь это неправильно. Он должен сидеть в тюрьме, если совершил убийство. Почему-то ему казалось это логичным. То ли это память прошлого, то ли в какой-то книге, что ему читали, было про убийство и тюрьму.

Яреци долгое время молчала, а потом рассказала все, что с ним произошло, но почему-то не ему, а Джуну. Говорила она тихо, вероятно, чтобы он не услышал. По спине прошёлся холод, и он вздрогнул. Стоять было тяжело, но вроде бы силы были, чтобы дойти до стула. Он еще некоторое время постоял у входа на кухню, а потом осторожно направился к стулу. Расстояние было небольшое, но для него непреодолимое. Он зацепился за что-то и упал на пол, растянувшись на полу и головой ударившись обо что-то. Подняться с колен было сложно, но он пытался, ища опору.

- Я... не у-би-вал ни-ко-го? И я... спас от-ца и ва-ше-го му-жа? Мне на-до э-то вс-пом-нить или на-до за-быть? Мне... я бо-юсь, что от-цу бу-дет слож-но со мно-й. Мне на-до бу-дет про-сить у не-го о по-мощи? Или это сла-бость?

Не найдя точку опоры, он так и остался сидеть на коленях. Низко опустил голову. В душе поселился страх, тело бросило в пот. Он старался не просить о помощи, наоборот, стыдился, когда Цэрин Лхаце помогала ему или удерживала, если он, начиная делать неуверенные шаги, заваливался. Во время перехода по горам, он старался не опираться на плечо друга, стараясь выглядеть сильным. Но сейчас силы его покинули окончательно, а вместе с ними и желание что-то делать. И от этого ему стало страшно.

- Я точно не пот-ре-вожу вас? - Спросил он, глядя на Яреци. - Вы... не обя-за-ны за мной уха-жи-вать. Спа-си-бо вам за по-мо-щь. Я... пос-та-ра-юсь не ду-ма-ть о прошлом. Там бы-ло много пло-хого. Но... я бо-юсь. Вд-руг я сно-ва у-паду? Что мне де-ла-ть? Мне снят-ся кош-мары, и я... а ес-ли я... на-пу-гаю его сы-на? Он... Прос-ти-те, я невы-но-сим?

Он боялся представить, что будет с ним, когда он будет жить с отцом. Ведь о полном выздоровлении речи еще не шло, и никто не знает, когда Маркус станет полноценным членом этого общества. Он замолчал и всхлипнул.

Джун Мотидзуки

Черту Яреци, заставляющую ее вмешиваться вообще во все, Джун знал очень хорошо, но надеялся, что сейчас она будет немного аккуратнее с количеством вываливаемой на Маркуса информации. На данный момент тот еще не был готов к подобным объемам, вычлняя только часть, зачастую, болезненных для него моментов. И все это соответствующим образом сказывалась на и без того нестабильном состоянии друга, который запутался окончательно и после откровений сестры был готов чуть ли не разрыдаться, больше напоминая маленького испуганного ребенка, чем мужчину.

- Я уйду после того, как Маркус успокоится. - Джун уже потихоньку начинал жалеть, что вообще увез парня из монастыря, где жизнь того была по крайней мере стабильной, а в окружении находились спокойные люди, одним своим видом снижающие эмоциональный накал. А здесь, да и в Японии, таких людей могло просто не найтись, а значит, Маркусу как-то самому предстояло выбираться из ямы, в которую он попал, пытаясь разобраться с призраками прошлого.

- Так, у тебя очень много вопросов, на которые при всем желании сразу подробно не ответить. - Поскольку прежде чем разразиться речью Маркус упал и, судя по всему, не мог принять нормальное вертикальное положение без посторонней помощи, Джун поднялся со своего места и помог другу встать с колен и усесться на свободный стул. - А так ты и меня в свое время вытащил из горящего дома и вообще сделал немало хорошего, но, вместе с этим, допускал и ошибки. Временами серьезные. Но, как ты видишь, даже упав, всегда можно подняться с чьей либо помощью, а, набравшись сил, самостоятельно. А значит, пока ты живешь, ничего не потеряно. И если ты искренне захочешь, ты справишься с кошмарами, наладишь отношения с семьей и найдешь то, ради чего стоит жить.

Сам Джун клятвенно пообещал себе почаще звонить Маркусу и узнавать, как обстоят его дела. Он вложил столько сил в то, чтобы друг снова смог начать жить

полноценной жизнью, что ему была невыносима сама мысль, что при определенном отношении окружающих часть этих трудов могла не принести ожидаемого эффекта. Да и Маркус явно заслуживал лучшей участи, чем затяжная депрессия на почве проблем с самоидентификацией, из которой, в случае чего, он должен был теперь выбираться самостоятельно.

Яреци Фернандез

- Я виновата, да? Я не должна была лезть в это? Тору мне то же самое всегда говорил. Извини, что я вообще согласилась встречать тебя и его. Вы без меня бы справились, - сказала девушка, стирая слезы с щек. Конечно, она никак не могла понять, что вообще не имеет никакого права возникать и пытаться кому-то помочь. Но Маркус просил узнать, что с ним стало, и она... Нет, наверное это все неправильно.

Маркус упал и не мог подняться. От этого ее сердце обливалось кровью, и девушка хотела помочь ему подняться, но ее опередил Джун. Она спрятала лицо в ладони и вздохнула.

- Прости, я... всегда лезу не в свое дело, - сказала она. - Тебе надо успокоиться и поспать. Ведь завтра ты увидешься с отцом и будешь жить с ним. Он тебя очень ждет и любит. Не бойся просить его о помощи. Не бойся идти вперед. Ты справишься со всем, Маркус. Обязательно справишься.

В этот момент раздался звонок в дверь, и Яреци встала со стула и пошла открывать, думая, что это вернулись Тору и Кимико. Но это были не они.

- Дядя? - тихо спросила она, а потом бросилась в его объятия. - Вы не позвонили мне. Маркус, он... очень ждет вас...

Маркус Агирре

Джун помог ему встать, и он впервые в жизни отмахнулся от друга. Он не хотел, чтобы ему помогли, ведь это является признаком слабости. Он должен сам вставать, если будет падать. Он должен жить дальше. Он и хочет жить дальше и не совершать тех же ошибок, что совершал тогда. А еще он начал понимать, что не хотел этого. Вот всего этого, что сейчас происходит. Соображалка, в отличие от двигательных и речевых функций, у него работала хорошо, и, слушая тихую извиняющуюся речь Яреци и анализируя сказанное ею про травму, он понимал, что самым главным врагом было время. Он рвался в монастырь, чтобы его спасли, но в деревне он зашел в дом, а не в лазарет...

Впрочем, сейчас это действительно неважно. Неважно и то, что было в его прошлом. Он должен жить настоящим.

- Спа-си-бо вам. И те-бе, Джун, и вам, Яре-ци. Я не бу-ду ду-ма-ть о прош-лом. Я дол-жен жи-ть даль-ше и восс-та-на-вли-ться. Яре-ци, прос-ти-те, ес-ли из-за ме-ня вам приш-лось тя-же-ло. Я те-перь хотя бы зна-ю, что это бы-ла слу-чай-но-сть. Я не хо-тел, чтоб так слу-чи-лось. И... Я не бо-юсь труд-нос-тей. О-тец м-не по-мо-жет...

Молодой человек говорил достаточно медленно, но постепенно на лице появлялась

улыбка, и к моменту окончания его речи Яреци ушла открывать дверь. Маркус напрягся, ожидая увидеть дочь сестры и ее мужа, но до ушей донеслось слово "дядя". У Яреци был один дядя - его отец. Он вздрогнул и встал со стула. Пошатнулся и, чувствуя биение сердца, медленно, держась за стол, а потом за стены, вышел из кухни. В коридоре стоял человек с фотографии, которую ему показывали.

- Отец? - Он вздрогнул.

Рикардо Агирре

- Все готово, сеньор Агирре. Нам дали зеленый свет.

- Хорошо. Надеюсь, погода не подведет.

Рикардо пристегнул ремни и посмотрел в иллюминатор. Странная ирония судьбы, почти двадцать восемь лет назад он так же сбежал с важного мероприятия, чтобы улететь к Лиде, которая пожертвовала своей жизнью ради ребенка. Она думала, что сделала его счастливым, подарив этому суровому и одинокому человеку ребенка. Тогда Рикардо не мог принять это. Он не принимал своего сына, ругал его, избивал и обвинял во всем. А потом пришло известие о его смерти. Он никогда не забудет, как смотрел на холодный изуродованный труп, думая, что это его сын. Он помнит облегчение, заметив, что это не Маркус. Он помнит, как Маркус ухаживал за ним в госпитале в Найроби. И он понимал, сто не имеет права ошибаться. Возможно, благодаря способности к превращениям Маркус простил его и стал более покладистым. Рикардо вспомнил, как Маркус защитил его от Мануэля, как поддерживал его после землетрясения и гибели матери с братом. Они редко общались, но последнее время Маркус жил в их квартире, хорошо учился в институте и помогал с Фоксом. И с Джулией у него хорошие отношения были.

А весной ему сообщили, что Маркус получил бешенство и чуть не умер, но его спасли. Рикардо испугался и захотел сразу приехать и забрать его, но быстро понял, что не сможет за ним ухаживать. Маркусу надо было общение и внимание, а не палата в больнице с личной медсестрой. Рикардо катастрофически не умел ухаживать за больными и уж тем более лечить душу. Поэтому он был благодарен его друзьям за заботу и помощь. И вот теперь он летит на встречу с сыном.

Форс-мажорным обстоятельством были переговоры, и после них Рикардо в прямом смысле этого слова сбежал. Он знал, что последствия будут, но не боялся их. Потому что сейчас было важно увидеть сына, обнять его и подарить ему то, что он не смог дать за прошедшие двадцать семь лет жизни.

Самолет совершил посадку в аэропорту Пекина, и уже через два часа Рикардо звонил в дверь. Ему открыла Яреци, и он ее обнял. А потом слышались шаги и он увидел Маркуса. Глаза непривычно щипало, и он сглотнул.

- Сынок, я... рад тебя видеть. Я немного опоздал, извини, - сказал мужчина. Отстранился от племянницы и, сняв обувь, подошел к сыну. Обнял его и глубоко вздохнул. - Ты... выглядишь уставшим.

Он не стал говорить, что Маркус выглядит плохо. Ему казалось, что сейчас надо

создавать сыну положительные эмоции, но с этим у него были сложности. Хотелось задать Джуну и Яреци много вопросов о состоянии сына и дальнейших действиях, но он не знал, как отстранить от себя Маркуса. Потому что он всегда его отстранял от себя, и боялся, что сейчас Маркус снова начнет отдаляться. Поэтому он пока молчал, поглаживая сына по спине.

Джун Мотидзуки

Джун так до конца и не понял, насколько полезным для Маркуса или, наоборот, вредным оказалось вмешательство Яреци. Но, в итоге, парень вроде как смог справиться и справиться со своими эмоциями. Что было очень даже кстати, поскольку от царящей вокруг драмы в квартире разве что окна не звенели. Дядина жена плакала, Маркус с переменным успехом страдал, и только он сам со своей попыткой все рационализировать казался чужим на этом празднике жизни. Конечно, он тоже переживал за друга и его успехи и, при желании, мог бы присоединиться к этой невеселой компании, но хоть кто-то должен был сохранять трезвый рассудок и не давать эмоциям брать верх, когда следовало работать на достижение конкретных целей.

- Вот это хороший настрой, - Джун решил поддержать порыв Маркуса. - Ты уже и так многого добился за короткий промежуток времени, а значит и со всем остальным справишься.

Он только задумался, сможет ли отец друга создать для сына обстановку, подходящую для быстрого восстановления, как раздался звонок в дверь, заставляющий поверить в материальность мыслей, поскольку неожиданным гостем оказался никто иной как Рикардо Агирре. Последний раз Джун разговаривал с ним по телефону, когда уточнял часть деталей, касающихся транспортировки Маркуса, и сейчас вышел вслед за Яреци и Маркусом, чтобы поприветствовать пришедшего, не планируя, впрочем, мешать его встрече с сыном и племянницей.

- Раз так, - начал Джун, когда с первыми нежностями было покончено, - то я пойду. - Позвоните мне позже, чтобы обговорить ряд важных моментов. - Учитывая обстановку, сейчас было не до бесед, так что молодой человек решил временно самоустраниться и заняться своими делами, которые напланировал, раз уж ему довелось попасть в Пекин.

Яреци Фернандез

Дядя не ответил на ее вопросы, и она вздохнула. Потом отошла от дяди и посмотрела, как он обнимает сына. В этом жесте было столько непривычной и неожиданной нежности, что она осталась довольной. Она не помнила, чтобы в детстве Маркуса так обнимали.

- Спасибо, что вы приехали. Он очень стремился с вами встретиться. Не подведите его, пожалуйста, - шепнула она дяде на испанском. - Ему тяжело говорить, но он справится. И то, что с ним случилось - это был несчастный случай. Просто случайность. Не надо его винить за безалаберность. Из-за этого он сильно переживает.

Снова отойдя от них, она скрылась в ванной, где умылась, и вернулась к ним. Пока

она совершенно не знала, что говорить дальше, поэтому просто стояла у стены. Джун сказал, что он уходит, и она ему кивнула в знак прощания.

Маркус Агирре

Маркус поднял голову и посмотрел на отца. У него был грустный взгляд, и молодой человек инстинктивно прижался к нему, уткнувшись лбом в плечо. И неуверенно обнял в ответ. На фотографиях у отца в егда был холодный взгляд, а свое прошлое он помнил не так хорошо, чтобы знать, что и при разговоре с сыном взгляд Рикардо Агирре оставался холодным. А сейчас была какая-то нежность.

Яреци стала что-то говорить отцу, и слух разрезал непонятный язык. Он не слышал этот язык, а потому ничего не понял. Но тот человек, что его вырвал из лап смерти, сказал, что он со временем будет знать и языки, и вернет свои навыки. Просто нужно время, а сейчас безумно хотелось отдохнуть. Наверное поспать.

- Мы ку-да по-е-дем? Я хо-чу до-мой. Я вы-дер-жу пе-ре-лет. Мы по-е-дем до-мой? - Спросил он, остраниаясь от отца и поворачиваясь к Джуну.

Мысль о том, что он больше не увидит Джуна, его расстроила, но все-таки сейчас внимание и присутствие отца было важнее. Надо попрощаться.

- Джун, спа-си-бо те-бе и тво-им друзь-ям, осо-бен-но Цэрин Лхаце, за по-мо-щь и за-бо-ту. Я бу-ду пом-нить вас и... про... до сви-да-ния.

Он протянул руку, но потом опустил ее и поклонился, как это принято в Японии. Хотя он не помнил, чтобы ему кто-то что-то рассказывал об этом. Наверное, это было в прошлой жизни. Совершив поклон, он посмотрел на вернувшуюся сестру и тоже ей поклонился. А потом стал надевать кроссовки.

Рикардо Агирре

Рикардо вздрогнул, когда Маркус неуверенно его обнял. Он вообще не привык, чтобы его кто-то обнимал кроме двух женщин, одной из которой уже нет. Маркуса он обнимал крайне редко, но сейчас понимал, что должен переступить через свои границы и наладить эту связь. Потому что Маркусу это важно. И ему это тоже важно.

На речь Яреци Рикардо молча кивнул, также как и на слова Джуна, чтобы он ему позвонил. Он обязательно ему позвонит, как только они доберутся до дома.

- Да, конечно. Мы поедем домой, - сказал мужчина. - Сеньор Мотидзуки, - после того, как сын попрощался с Джуном, он подошел к нему. - Спасибо вам. Я позвоню, как только мы доберемся. Если вы планируете побывать в городе, то вот отель, он тут недалеко. Номер 1408. Вот ключ-карта. Спасибо вам за помощь. - Он положил карту на тумбочку и протянул руку для рукопожатия. - Яреци, всего доброго. Не грусти.

И он, надев ботинки и взяв рюкзак сына, приобнял его и покинул квартиру. Впереди предстоял долгий путь.
